

Ты не одинок

Персонажи телесериала "Чип и Дейл спешат на помощь", а именно, Чип, Дейл, Гайка, Рокфор и Вжик, являются собственностью компании "Walt Disney" и используются в данном произведении без всякого на то согласия правообладателя.

Данное произведение создано исключительно с целью развлечения, не преследует целью извлечение какой-либо коммерческой выгоды и распространяется исключительно свободным копированием. Если вы в какой-либо форме заплатили за данное произведение деньги, требуйте их возврата.

Мама не придёт...

Невилл понял это ещё вчера. В тот самый момент, когда в чёрном воздухе сверкнул иззубренный нож, влажную, пропахшую гнилью тишину подвала прорезал последний вскрик, и тонкая рука бесильно раскинулась на замусоренном полу, орошённом брызгами крови.

Убийца долго стоял над телом, тяжело дыша и бормоча что-то себе под нос. Потом вытер нож о грязную тряпку, отошёл к раковине, открыл кран и, не переставая бормотать, принялся мыть руки. Его длинный голый хвост нервно дёргался из стороны в сторону.

Тускло тлела под низким цементным потолком лампочка от человеческого фонарика. Из неплотно закрытого крана капала вода; под потолком трещал электрический провод.

Невилл, скорчившись в углу, держа на весу прикованную цепью к трубе руку, ждал своей участи.

Он всё знал и всё понимал, хотя ему только-только исполнилось десять лет. Он знал, что звери умирают — кто-то в свой урочный час, а кто-то гораздо раньше, — понимал, что смерть — это навсегда, что нет ни единого способа вернуть ушедшего в страну теней, как бы ты не желал этого, что настанет миг — и он сам отправится туда, откуда нет возврата...

Болела рана на голове — вчера вечером, перед уходом убийца ударил мальчика наотмашь ручкой ножа. Сводило от голода живот — от брошенной ему утром пригоршни сухих корок осталось лишь воспоминание. Болела натёртая ржавой, скованной громадным амбарным замком цепью рука. Сырой холод липкими пальцами пробирался под тоненькую летнюю одежду, вызывая неудержимую дрожь.

Мальчик стукнул зубами. С тоской посмотрел на лампочку.

Сейчас, наверно, уже вечер. И скоро должен прийти убийца...

Он приходил дважды в сутки — утром и вечером. Утром — перед уходом на работу (насколько удалось понять из его бормотания, он работал слесарем); тогда он весело скалил щербатый рот и говорил гнусности. Вечером — после работы; уставший и раздражённый, он кричал невнятные угрозы, размахивал руками, бил мальчика, не скрывая удовольствия, глядел на текущую кровь, и, шумно дыша, уходил, довольный.

Зачем он так делал? Что плохого ему сделали Невилл и его мама?

Бурундучок не знал...

Только забивался в угол, видя его вечно злое лицо, его занесённую для очередного удара руку...

* * *

— Ты это слышал?

Камера дёрнулась, повернулась к говорящему — толстому азиату с бледным от страха лицом в смешных круглых очочках.

— Что слышал? — дрожащими губами произнёс он.

— Да вроде стонет кто-то... — человек, держащий камеру, громко сглотнул. — Вроде вон в том коридоре...

Камера развернулась. Луч фонарика выхватил уходящий вдаль коридор с рядами закрытых дверей, раскорячившуюся поперёк больничную каталку с брошенной на неё белой в дурацкий голубой цветочек пижамой, торчавшую у входной двери капельницу и укреплённый на стене выцветший от старости плакат, призывавший соблюдать чистоту в медицинских учреждениях.

Оба незадачливых искателя приключений, исследователей заброшенных строений замерли.

— Давай вернёмся, Род!.. — заговорил азиат. — Фиг с ним, с этим долбаным фильмом... Мне моя шкура дороже.

Дейл, ожесточённо грызший коготь на пальце, придвинулся поближе к экрану телевизора.

Чип, стоя на пороге гостиной, вздохнул.

Ну, так и есть! Опять это двузубое, вихрастое чудо природы смотрит один из своих любимых ужастиков. На этот раз, как он сам утром старательно выговорил с гордостью, "псевдодокументальных" — когда фильм больше походит на реальные съёмки, чем на постановку.

Неужели он не устал? Спасатели ведь целый день гонялись за новой бандой Фрэнсиса и поймали крысов-преступников уже в темноте, часов в десять вечера. А потом, уже дома, Рокки отправился на кухню готовить поздний ужин, включил плиту — и во всём штабе внезапно потух свет; как вскоре выяснилось, сгорела проводка, и всем Спасателям пришлось при свете немилосердно коптящей свечки заново прокладывать добрые полсотни звериных футов кабеля и менять половину лампочек. А потом оказалось, что вдобавок вышел из строя мотор в компрессоре холодильника, сгорел транзистор в недавно собранной Гаечкой новой радиостанции и взорвались штук десять больших конденсаторов в системе зарядки "Крыла". А ещё прохудилась любимая Рокфорова кастрюля, и австралиец, наполняя её водой, залил весь пол в кухне...

Гудящими от усталости ногами Чип сделал шаг по направлению к телевизору и вздрагивающему на диване, продолжающему ожесточённо кусать когти красноносому. Зевнул, помотал головой, прогоняя сон.

— Ну, сейчас я ему устрою... — пробормотал он себе под нос. И снова неудержимо зевнул.

На экране телевизора снова плавало освещённое фонариком, отливающее синевой лицо азиата.

— Чувак, зуб даю, ты был прав! — свистящим шёпотом доложил он. — Привидения существуют!

— А я что тебе говорил!.. — бросил державший камеру. — Джамал! Ты здесь?

Джамал, мускулистый чернокожий верзила в спортивной майке, несмело жавшийся к оператору, кивнул.

— Сваливаем, братва, сваливаем! — плачущим голосом заныл он. — А то...

И вдруг оборвал, и посерел лицом, и в сторону коридора вытянул длинный палец.

— Слышите?

Протяжный, леденящий кровь стон разнёсся по притихшему зданию. Фонари мигнули, и помещение на мгновение погрузилось во мрак.

В густом мраке явственно проступила парящая в коридоре белая фигура.

— А-а-а! Привидение! — заверещал, кажется, Джамал и загрохотал башмаками, удирая.

— Ну, всё! Довольно! — решительно произнёс командир Спасателей, шагнул вперёд и положил руку Дейлу на плечо.

— Ай!!!

Любитель ужасиков пулей подскочил к потолку. Грохнулся пятой точкой о пол, поднялся, огляделся, крупно вздрагивая, заметил Чипа и аж забулькал от злости.

— Зачем? — набросился он, размахивая кулаками. — Зачем ты это сделал? У меня чуть мозги не выскочили!

— Мозгов у тебя нет и никогда не было! — отрезал бурундук в шляпе. — Немедленно выключай телек и ложись спать! Сейчас уже второй час ночи — а завтра нам очень рано вставать. И без разговоров!

Красноносый, ворча, щёлкнул кнопкой и поплёлся в ванную чистить зубы.

Чип потёр пальцами усталые глаза. Подобрал с пола и положил на диван невзначай сброшенный Дейлом журнал. Смахнул с подлокотника соринку.

— Надо поторопить Рокфора, — сказал себе. — Пусть тоже ложится спать. Завтра допаяет...

— Уа-а-а-а-а-у-у-у-у!

Толстый мыш, рискуя вывихнуть челюсть, смачно зевнул. Поудобнее перехватил злополучную посудину, критически осмотрел наполовину запаянную преизрядную прореху в боку и зашкрябал толстым паяльником по дну металлической кюветки.

— Чиппер! — протянул он, завидев вошедшего командира. — Как же ты вовремя... Будь другом, подай мне ещё цинку. Вон там, на полке, в жестяночке с надписью "олово".

Чип прошагал к укреплённым на стене полкам, заваленным всякой всячиной. Быстро глянул на висящие на стене афиши (кто их сюда притащил? Дейл, что ли?..): одна возвещала о грядущем выступлении в театре "Парсонс" птичьего квартета-акапелла "Синички", а вторая — что в клубе "По-

мойка" будет петь известный рэпер Дятл. Обежал взглядом полки, недоумённо почесал нос и наконец нашёл искомую жестянку. Потянулся к ней, зацепился шляпой за свисающий с верхней полки жгут проводов, чертыхнулся, снял головной убор и положил на свободное место. Взял серебристый ноздреватый комочек цинка и направился к Рокфору.

— Спасибо. Сейчас залатаем мою старую кастрюльку...

Австралиец ковырнул комок жалом паяльника, подцепил сверкающую каплю расплавленного металла и тщательно замазал прореху. Страхнул с жала излишки, положил паяльник на подставку и щёлкнул выключателем.

— Вот теперь будет как новенькая! — и принялся поучать бурундука: — Посуду ни в коем случае нельзя паять тем же припоем, что и радиоплаты — он содержит свинец, очень ядовитое вещество. И оловом тоже лучше не латать — больно оно легкоплавкое. А вот цинк — самое то! Только паяльник нужен помощнее.

И снова зевнул, и поднялся со стула.

— Пора бы и задать храповицкого, дружище!.. А то завтра снова вставать ни свет ни заря...

И, продолжая зевать, направился в свою комнату.

Чип кое-как разлепил смыкающиеся глаза. Выключил свет в мастерской, вышел в коридор.

— Если Дейл опять смотрит телек, устрою ему такой фильм ужасов, что на всю жизнь не забудет... — бормотнул себе под нос.

* * *

Дейл спал на верхней полке кровати. Задрал к потолку внушительный нос, разинул рот, выставив свои два чудных зуба, и блаженно похрапывал.

Чип удовлетворённо кивнул. Поднял руки, намереваясь снять шляпу, и не обнаружил её на голове.

— Вот чёрт... — озадаченно прошептал он. — Где же я её оставил?.. — И почти сразу же вспомнил: — Ну конечно, в Гаечкиной мастерской!

Электричество в мастерской было выключено. Однако откуда-то сверху лился дрожащий призрачный свет, отчего всё вокруг казалось зыбким, нереальным.

"Наверно, новое изобретение Гайки..." — подумал Чип, зевая. — "Где же моя шляпа?.. Кажется, вон там, на полке..."

Возле стола, за которым совсем недавно силач чинил кастрюлю, стояли два робота: один — пузатый, с головой, похожей на чайник, другой — тощий и длинный, как каланча, с развесистыми жестяными ушами. Первый из них держал в клешне гвоздь, второй вертел суставчатыми пальцами шуруп. Оба, глядя друг на друга выпученными светящимися глазами, спорили на непонятном языке; до командира доносилось лишь невразумительное "бу-бу-бу" и "бе-бе-бе".

Бурундук кое-как, боком протиснулся мимо (роботы внимательно осмотрели его с ног до головы и вновь принялись бубнить). Кое-как перебрался через гору железок, которой, как он прекрасно помнил, раньше не было.

"Ну и свалку устроил здесь Рокки! Надо будет утром сделать ему замечание..."

Выключателя на стене почему-то не оказалось. ("И куда он пропал?..") Полуразобранного человеческого электромоторчика — тоже; вместо него на полу громоздился непонятный агрегат, опутанный резиновыми трубками и мигающий разноцветными лампочками. ("Странно... Зачем Гайка не выключила его? И что это вообще такое?") На полках вместо разнокалиберных железок стояли рядами какие-то банки.

Слава богу, шляпа всё так же лежала на полке. Бурундук перешагнул через толстую трубку, тянущуюся к странному агрегату, переступил через какие-то не то мешки, не то тряпки и протянул руку...

— Йййи-ха!

Откуда ни возьмись, появился Дейл — раскинув руки, прилетел по воздуху. Перекувыркнулся, схватил шляпу Чипа, водрузил себе на голову.

— Не поймаешь!

Командир растерянно огляделся. Роботы у стола, прекратив спор, вытянулись по стойке "смирно" и отдали красноносому честь.

Из-за черневшего в отдалении "Крыла" вылетело вообще чёрт знает что — светящееся полупрозрачное существо, похожее на заполненный наполовину мешок, с круглыми глазами и широким ртом.

Дейл, увидев его, оскалился в довольной улыбке и выхватил сачок для бабочек.

— Привидение?! — азартно завопил он. — Сейчас я тебя поймаю!

— Мама! — тоненько вскрикнуло привидение, вытянуло коротенькие кривые ножки и замолотило ими по воздуху.

И тут всё — и перепуганный призрак, и рассекающий воздух весельчак, и оба робота, всё ещё стоявшие, вскинув руки к блестящим металлическим головам, — исчезло.

Перед Чипом стояло привидение. Другое.

Это была женщина-бурундушка. Стройная, изящная, совсем молоденькая. В обтягивающем синем вечернем платье и горжетке из искусственного меха, очаровательно-небрежно наброшенной на тонкие плечики.

Её круглое личико с маленьким чёрным носиком, румяными щёчками и огромными зелёными глазами казалось командиру смутно знакомым.

Она протянула руки, будто зовя за собой. Потом указала хрупким пальчиком на висящую на стене карту Соединённых Штатов, которой — командир Спасателей был готов в этом поклясться — секундой раньше там не было.

Чип осторожно приблизился, скосил глаза, прочитал название города, на который указывала неизвестная.

— Э-э-э... — несмело протянул он. — Мисс... к сожалению, не знаю вашего имени... но что вы здесь делаете? Это наш дом. Может, вам нужна помощь? Мы — Спасатели, мы помогаем всем, кто попал в беду... Мисс, почему же вы молчите?..

Женщина беззвучно шевельнула губами. Вновь указала на карту и вновь протянула к парню руки.

Огромные молящие глаза с отчаянной надеждой глядели на бурундука.

Чип вскочил со смятой постели. Дыхание со свистом вырывалось из его груди; пижама была мокра от пота.

На верхней полке посвистывал носом Дейл; его нога свешивалась с края кровати. Из приоткрытой двери доносится мощный храп Рокфора:

— Хрррыыы... ням-ням... камамбер... Хрррыыы... ням-ням... реблошон...

Похоже, толстому лакомке снилось что-то волнующее.

Чип провёл рукой по мокрому лицу. В его памяти всплыло название города, на который указывала призрачная женщина, явившаяся ему во сне.

— Филадельфия... — прошептал он.

* * *

— Трымба-дымба, сыру мы хотим.

Трымба-дымба, сыру проглоти́м.

Трымба-дымба, с сыром мы живём,

Сыру-сыру хором мы поём, —

распевал песенку собственного сочинения Рокфор, сооружая, как он сам говорил, бутерброды "Монарх" по мельбурнскому рецепту из зелени, тонко нарезанных огурцов, помидоров, редиса, мелко нарубленных оливок и, конечно, сыра. Его ноздри со свистом втягивали аппетитный запах любимого кушанья, а усы вертелись, как лопасти ветряной мельницы.

— Сейчас ненадолго поставим их в печку — и выйдет чудо-угощение, от которого и за уши не оттащишь! — возвестил он наконец, кладя последний бутерброд на поднос и ставя его в микроволновку.

Вертевшийся рядом Дейл с треском повернул выключатель, и громоздкий агрегат, в конструировании которого принимала участие вся команда, натужно загудел.

Чип стоял у мойки, задумчиво вертя в руках забытую на столе с вечера чайную ложку.

Странное ночное происшествие всё не шло у него из головы.

Разумеется, он ни капельки не испугался, когда увидел привидение. Во-первых, он — Спасатель, а Спасателям не пристало бояться. Во-вторых, они уже раз повстречались с настоящим призраком — в лондонском Тауэре, когда пытались остановить Толстопуза, возжелавшего украсть драгоценности британской короны¹. В-третьих, обитая в одном доме с красноносим поклонником фильмов ужасов, чего только не насмотришься по телевизору — хочешь ты того или не хочешь...

Но что привидению понадобилось в их штабе? Что оно хотело сказать, показывая на карте страны Филадельфию? Почему глядело на него с такой мольбой?

И почему, наконец, эта призрачная женщина-бурундушка показалась ему такой знакомой?

Засвистел на плите закипевший чайник. Подскочивший Дейл выключил плиту, бесцеремонно толкнул командира в бок, буркнул недовольно:

— Отойди, не мешайся! А чайник мог бы и сам выключить...

Из микроволновки плыл умопомрачительно вкусный запах плавящегося сыра. Мышка доставала из шкафа тарелки и кружки, а Вжик, натужно пища, пытался снять с банки кофе плотно сидящую крышку.

— А ну-ка дай мне, малыш! — австралиец аккуратно взял муху и посадил его на стол. Содрал крышку с банки, поставил рядом с сахарницей. Указал на холодильник: — А у нас ещё сливки остались!

Печка с лязганьем выключилась. Щёлкнул замок дверцы, и запах свежеприготовленных бутербродов заполнил всю маленькую кухню.

— Налетай! — пробасил Рокфор.

И, не удержавшись, откусил от своего бутерброда едва ли не половину.

— Чип!

Командир ощутил на руке прикосновение хрупких мышковых пальчиков.

— Идём завтракать... Чип! Что с тобой? Ты не хочешь есть?

Рокфор проглотил кусок, утёр усы.

— И впрямь, дружище, что с тобой такое сегодня? Ты прямо как в воду опущенный. Сон нехороший приснился? Или, свят-свят-свят, привидение ночью увидел?

Бурундук в шляпе вздохнул:

— Так оно и есть...

— Вот так всё и было... — закончил Чип свой короткий рассказ.

Дейл от удивления разинул рот; непрожёванный кусок бутерброда вывалился и плюхнулся на подол его гавайки.

¹ См. эпизод "Призрак удачи".

— Во круть... — вымолвил он. — Эх, жаль, меня там не было — я бы показал этому привидению!..

Добросердечная Гайка положила ему руку на плечо.

— Ну зачем же сразу драться!.. Ведь Чип сказал, что призраку была нужна наша помощь.

— А и впрямь! — поддакнул сыролюб, капая себе в кофе из бутылочки. — Что-то было нужно этому призраку. (Эй, никто не хочет пару капелек себе в кофеёк? Это вы зря... Добрый бренди враз просветляет голову, а в холода нет лучше средства от простуды.) Иначе он бы и не наведался к нам. Призраки обычно живых чураются, за милую обходят.

И, хлебнув из кружки, продолжил:

— Ведь привидения — это кто такие? Неупокоенные души. Скитаются по миру, пытаются доделать то, чего не успели при жизни, или охраняют кого-то любимого, или хотят спасти от чего. Вспомните сэра Колби! Стало быть, твоя, Чипухин, таинственная дама хочет или что-то сделать, или кого-то защитить. Я так полагаю.

И, не переставая говорить, принялся пальцем подбирать с тарелки крошки оливок, которые любил не меньше сыра и бренди.

— Если призрак приходит к тебе во сне — значит, зверь ещё жив, просто ему нужна твоя помощь. А вот если ты увидел его наяву — пиши пропало, приятель, зверя уже нет в живых... Верно тебе говорю: слышал от моего старинного друга Моргана из Манчестера — а уж он-то в этих делах кошку съел!

Вернулся за стол Дейл, отправлявшийся к помойному ведру отряхивать рубаху. Проглотил последний кусок бутерброда.

— Ты сказал, что вроде знаешь эту тётку, — заметил он. — Так знаешь или нет?

Командир помотал головой. Уставился на остывающий в тарелке надкусанный бутерброд.

— Нет... Совершенно не могу её припомнить...

И хмуро поднял глаза на друзей.

— Давайте поскорее заканчивать. Нам уже пора лететь на патрулирование.

Чипа осенило, когда весь отряд уже сидел в кабине "Крыла" и ждал только Гайку, вознамерившуюся ещё раз проверить, в порядке ли починенное ночью зарядное устройство. Он хлопнул себя по лбу так, что свалил на Вжика шляпу.

— Подождите меня! — бросил друзьям и побежал в свою комнату.

Из самого дальнего уголка шкафчика он достал альбом со старыми фотографиями. Наугад раскрыл его на середине и принялся перелистывать сделанные из плотной бумаги страницы.

Вот они с Дейлом в лесу, сидят на толстой ветке возле дупла. Дейл, как обычно, улыбается от уха до уха, выставив крупные зубы. Помнится, снимок сделал бродячий крыс-фотограф, которого они как-то пустили переночевать и снабдили в дорогу несколькими орешками. Крыс до самой ночи рассказывал им небылицы из собственной жизни, похоже, здорово привирая...

Вот переправа через реку в одной из звериных деревень. (Чип не помнил её название.) Сооружённый из кусков коры большой плот с косо торчащей мачтой и подвешенным на ней парусом с сикось-накось пришитой заплатой, компания зверей с опаской переходит по брошенной на плот щепке, лихой шкипер в щегольской белой фуражке выставил тощую грудь колесом (Дэнни Плавали-Знаем — вспомнил бурундук его имя), пара матросов испуганно крестится, глядя с опаской на утлое плавсредство, а на переднем плане — они вдвоём, стоят, обнявшись, на причале. Снимок делал один из деревенских, франтоватый морской свин в белом костюме и жутко модной в те времена канотье — соломенной шляпе, и снимал он на моментальный фотоаппарат, казавшийся тогда чудом техники. Молодые звери, разинув рты, глядели, как на чёрной карточке из плотной бумаги прямо на глазах появляется изображение...

А это уже Бостон. Редакция газеты "Бостонский зверинец", устроенная в подвале одного человеческого здания. Чип и Дейл стоят в коридоре, прямо у входа. Чип — в приобретённой по случаю серенькой приютской одежонке (он работал в редакции курьером), а Дейл — в красной, сверкающей начищенными пуговицами и золотистыми бляхами униформе циркового оркестра (он играл там на контрабасе)². Оба — несказанно довольные. И совершенно не подозревают, что в дверях уже стоит мистер Финч, редактор, с угрюмой физиономией и немилосердно дымящей сигарой в зубах, и что прямо сейчас, спустя какую-то секунду, нашему герою, а за компанию и его другу будет устроена преизрядная выволочка.

Кто же их фотографировал? Кажется, кто-то из журналистов. Только кто? Винсент Баренбаум или Берт Стромм?..

А это что?..

У Чипа захватило дыхание.

Это была она. Та самая женщина-бурундушка, явившаяся ему в виде привидения. Стройная, изящная, совсем молоденькая. В обтягивающем синем вечернем платье и горжетке из искусственного меха, очаровательно-небрежно наброшенной на тонкие плечики.

Она счастливо улыбалась, сидя на высоком стуле возле барной стойки, на которой стоял высокий бокал, до половины налитый ярко-оранжевой жидкостью, с торчащей из него соломинкой. По обе стороны гордо восседали на таких же высоких стульях оба бурундука; они были во фраках, нарядных белых рубашках и при цилиндрах. Чип важно облокотился на стойку, а размякший от выпитого Дейл исподтишка тянул руку, весьма недвусмысленно намереваясь обнять прелестную даму.

Где же это было?.. Ведь было же!..

Чип наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

Токая, как целое стадо слонов, в комнату вбежал красноносый. Сразу же ткнулся в альбом.

— Чего это ты тут смотришь?.. Ого! Да это же "Желудёвое кафе" в Бостоне! Забыл, что ли? Мы часто туда ходили.

И бесцеремонно ткнул пальцем в незнакомку:

— А это — Кларисса. Та певица... Ну? Вспомнил, наконец?

² См. повесть "Мы тоже хотим жить..."

Мама Клара была красивой. Когда она проходила по улице, многие мужчины останавливались, оборачивались и долго смотрели ей вслед, а иные, особенно из деревенских, самые неотёсанные, даже свистели.

Тогда Невилл гордо задира л носик и покрепче вцеплялся в мамину руку.

Мистер Дармстадт, домовладелец, заходя в их квартиру за ежемесячной платой, починить протекающую трубу или заменить перегоревшую лампочку (ни сантехника, ни электрика он не держал из бедности и любой ремонт по дому проводил сам), глядя на неё, качал головой и укоризненно произносил:

— Такая красивая женщина — и до сих пор не замужем, до сих пор одинока... Неправильно это, так я вам скажу...

Мама отшучивалась, дескать, ей и с одним мужчиной справиться непросто, а уж с двумя — тем более. На что старик только снова качал головой.

На стене короткого коридора, ведущего от единственной комнаты в крохотную прихожую, висели старые концертные афиши. На них мама была ещё красивее — в блестящем синем платье и белой горжетке, в белой блузке и короткой юбке, в клетчатой рубашке, шортах и ковбойской шляпке, с лассо, прицепленном к поясу. На одной из картинок она даже щеголяла в обтягивающем комбинезоне красного цвета — изображала красивую и коварную инопланетянку в какой-то старом театральном мюзикле.

Старый домовладелец, собрав инструменты и уже намереваясь уходить, неизменно останавливался у афиш и рассматривал их, подняв на лоб кособокие, обмотанные скотчем очки. Восхищённо ахал, цокал языком и что-то бормотал себе в густые седые усы.

— Вы так одиноки, миссис Катберт... — говорил он наконец. — Неправильно это, очень неправильно...

И, держа в одной руке сундучок с инструментами, а в другой — тюбик моментального клея, направлялся к выходу.

— Ладно, пойду, пожалуй... — говорил он, покашливая. — А то Клэйтоны жалуются, что у них лампочка в большой комнате мигает — аж глаза болят; не иначе, патрон негодный. У Палангов кран на кухне не работает, Шоулз — ну-у-у, тот, со сломанным носом, — жалуется, что у них на кухне краска с потолка осыпается прямо в суп, а Дубина Бонд утром спустил в унитаз целое ведро яблочной кожуры, и теперь у него страшный засор. Э-эх, дел невпроворот... До свиданья, миссис Катберт, до свиданья, Невилл!

— До свидания, мистер Дармстадт! — говорила ему мама.

После чего обязательно прибавляла:

— И я не одинока. У меня есть сын.

* * *

Спасателям повезло — поспев в аэропорт, они выяснили, что буквально через пять минут в Филадельфию отбывает рейсовый лайнер. Остальное было делом техники: незаметно подобраться к гигантскому самолёту, прицепиться к нему, воспользовавшись специально для такого случая сконструированным мышкой приспособлением из присосок, и закрыть кабину, чтобы не быть сдутым набегающим потоком воздуха.

Дейл, расплющив носище о прозрачный фонарь кабины и восхищённо приоткрыв рот, наблюдал, как быстро уходит вниз земля.

— Ух ты!.. — выдохнул он. — Круто...

Гаечка подкрутила ручку обогревателя.

— В течение ближайшей недели я намереваюсь завершить проектирование и построить действующий образец реактивного двигателя для моего нового самолёта, — гордо сказала она. — Он будет развивать скорость втрое больше скорости звука! Я назову его "Стальной орёл".

— И мы полетим на нём в путешествие? — подпрыгнул красноносый.

— Конечно! Без проблем!

Рокфор, услышав это, испуганно забормотал себе под нос, после чего трижды плюнул через плечо.

А мышка хмурила бровки и потирала пальчиками подбородок.

— Чип! — вдруг сказала она. — Скажи ещё раз: зачем мы летим в Филадельфию?

Командир немного смутился. Ответил как можно твёрже:

— В молодости мы с Дейлом были знакомы с одной певицей из Бостона. Её звали Кларисса. Мне кажется, она в беде.

Вжик что-то запищал.

— Золотые слова, дружище! — Рокки значительно выставил палец. — Любой полицейский, даже такой олух, как Малдун или Кёрби, скажет тебе, что "кажется" — это не доказательство. Доказательство — это то, что ты можешь пощупать руками, подшить к делу, показать своим сослуживцам, присяжным в суде, самому судье, наконец, сунуть под нос преступнику! А "кажется" — это... — и, состроив кислую мину, выписал в воздухе толстыми пальцами что-то эфемерное.

Весельчак отклеился наконец от стекла и сурово воззрился на командира.

— Тебе это рассказало привидение? А-а-а, оно тебе ничего не рассказало — оно было немое!

И захохотал.

Чип поправил шляпу.

— Ребята, я понимаю, что это звучит очень глупо... Но мы должны всё проверить. Эта Кларисса... я ей обещал... — тут он замялся, после чего решительно рубанул ладонью воздух. — Она наша с

Дейлом давняя знакомая, и я не брошу её в беде. Даже если ничего плохого не случилось, даже если это привидение всего лишь приснилось мне — мы должны всё проверить!

Гайка привстала, глянула на присоски — хорошо ли держат. Заметила резонно:

— Ну, хорошо... Но с чего ты собираешься начать свои поиски? Филадельфия — очень большой город...

В ответ бурундук в шляпе достал из внутреннего кармана заветный блокнотик.

— Обратимся в главный офис городского Патруля. Вся информация о тяжких преступлениях, совершённых в городе, стекается именно туда.

* * *

Две недели назад в подвале прорвало водопроводную трубу. Мистер Дармстадт надел большие — выше колен — резиновые сапоги, взял клей и спустился по узкой лестнице вниз, где плескалась вода, болталась под потолком чуть живая электролампочка, и откуда-то издалека доносился зловещий свист.

Он долго бродил там, пока не обнаружил трубу. Закрыл кран, открыл слив, подождал, пока вода не спадёт, заклеил трубу куском прочного пластика и, весь мокрый и дрожащий от холода, поднялся в подъезд.

— Всё, починил... — с трудом просипел он. — Теперь будет...

И без чувств свалился бы, если бы мистер Клэйтон и Дубина Бонд его не подхватили.

Миссис Паланг положила ему голову на лоб. Испуганно вскрикнула:

— Он весь горит! У него жар!

Бесчувственного домовладельца перенесли в квартиру Дубины; большая, она была заставлена баклагами с приготовленным к продаже яблочным и вишнёвым вареньем до такой степени, что повернуться было негде. Сам хозяин нырнул в шкаф искать сухую одежду, миссис Паланг бросилась домой готовить какое-то тайское снадобье против простуды, а миссис Клэйтон отправилась к себе за жаропонижающим.

Мистер Дармстадт был совсем старый и часто болел. В тот раз он слёг больше чем на неделю.

И, когда в кухонном шкафчике в квартире Невилла заело дверцу, вместо домовладельца чинить её пришёл он.

Он был тихим и вежливым, даже по-старомодному поцеловал маме руку. Долго восхищался царившему в тесной квартирке порядку, рассматривал кружевные скатёрки, накрывающие тумбочку и маленький столик, нюхал стоявший в человеческом напёрстке на подоконнике полевой цветок. Погладил Невилла по голове, осведомился об успехах в школе, пообещал помочь ему с уроками и искренне похвалил, услышав, что математические задачи мальчик щёлкает, как орешки. Заинтересовался стоявшими на этажерке книгами, спросил мальчика, любит ли он читать, и сам признался в любви к чтению.

Дверцу он починил в два счёта, ловко орудуя отвёрткой. Смазал петли из жестяной длинноносой маслёнки, вытер руки ветошью. Сказал, что работает слесарем в одном из звериных мастерских

неподалёку отсюда и что всегда готов помочь, если сломается ещё что-нибудь, а старый домовладелец опять занеможет. Услышав, что мама зарабатывает плетением кружев, восхитился и изъявил желание купить что-нибудь, не прямо сейчас, конечно, поскольку до зарплаты ещё два дня, а потом, в конце недели.

А узнав, что мама раньше была певицей, просиял и попросил, если будет не трудно, спеть что-нибудь.

Мама погрузстнела и отказалась, сказав, что у неё давно пропал голос. Невилл заметил, как по её щеке скатилась одинокая слеза...

А ещё бурундучок заметил показавшуюся ему тогда странной вещь. Разговаривая с мамой перед тем, как уйти, он нервно и даже с какой-то непонятной злостью тискал в руке так и не спрятанную в карман отвёртку...

* * *

Центральный офис городского Патруля располагался в подвале здания человеческой мэрии. Проникнув в него через хитро скрытый за большой урной проход, Спасатели едва не оглохли от шума.

Беспрерывно трещали зуммеры внутренних телефонов. Где-то совсем недалеко, за тоненькой картонной перегородкой выкрученное на полную мощь звериное радио передавало подробности последнего баскетбольного матча между "Остроухими" из Канзас-Сити и местной командой "Трико в полоску"; пытаюсь перекричать диктора, кто-то за другой перегородкой сипло орал, вызывая по рации какого-то Нэда Стоукса из отделения в Юго-Западном районе. Голосил дурным голосом здоровенный, сплошь покрытый татуировками верзила, скрученный верёвками; четверо дюжих патрульных, пытаясь, тащили его в боковую дверь. Из открытой двери, ведущей в соседнее помещение, доносился грохот пишущих машинок.

— И куда теперь? — прокричал Рокфор в ухо Чипу.

— А? Чего? — гаркнул в ответ оглохший от шума Дейл. — Я не слышу!!!

Командир молча указал на висящий на стене список кабинетов. Нужная им комната — с надписью "Справочная" — находилась совсем рядом, справа.

В справочной было не протолкнуться. С полсотни зверей вытянулись в очереди перед перегородкой с пятью окошками. Было жарко и душно.

Раздосадованный Рокки повесил усы.

— Этак мы тут до завтра торчать будем... Если не спечёмся к тому времени...

В углу стоял колченогий стул. Развалившийся на нём хлыщеватый крыс в дорогом костюме с аляповатым галстуком с интересом скользнул взглядом по мышьиной фигурке, но так и не уступил девушке места.

Дейл, ковыряя пальцем в ухе, с угрюмым видом привалился к стене. Австралиец присел рядом на корточки; Вжик пристроился у него на голове.

Чип нервно мямлял в руках шляпу, глядя, как какой-то тощий мыш в растянутой майке и мятых штанах пытается выяснить у измученной сотрудницы, "куда упекли Олсона, которого давеча замели за наркоту... ну, Олсон, Олсон!.. фамилии не знаю..."

— А ведь я не знаю фамилии Клариссы... — вдруг вспомнил бурундук в шляпе. Толкнул под бок старого друга: — Дейл, а ты не знаешь?

— Чего?! — рявкнул тот. — Не слышу!!!

На них заоборачивались.

Снаружи мимо двери пробежал продавец горячего чая; за спиной он нёс внушительный термос, в руках — ячеистый ящичек со стаканчиками и открытую коробку с печеньем. Следом важно шествовал почтальон в форменной светло-коричневой куртке, фуражке с твёрдым околышем и блестящей кокардой.

Чип проводил их взглядом.

Тип в растянутой майке у окошка, тыча пальцем в стекло, нудно бубнил: "Да не знаю я его фамилии! Олсон — и всё! Толстый такой хомяк, одно ухо рваное, другого и нет вовсе..."

— Мы теряем время, — угрюмо произнёс командир. — А Кларисса, может быть, в большой беде, и спасти её способно лишь чудо...

Возможно, это и оказалось тем самым чудом, на которое так уповал Чип. Возможно, это было просто везение.

Но за дверью справочной кто-то затопал, грузно вздохнул, кашлянул, чиркнул зажигалкой и заговорил низким, немного хриплым голосом:

— А ведь "Трико" выиграли. Хе, в жизни бы не подумал... Хотел посмотреть матч, да билета не достал. Третьего дня сходить в кассу времени не было — с обеда до самой ночи сидел тут: читал доклад из лаборатории по тому пожару на севере (Фредриксен прав — здорово смахивает на поджог), раскалывал Косого Мартина (всё молчит, зараза!..), да ещё эти отчёты, чтоб их, нужно было писать!..

— Да начальство нас совсем замучило этими проклятыми бумажками! — возмутился другой голос, потоньше. — Пошёл в архив за старыми делами — пиши отчёт! Отправил улики в лабораторию, даже если результатов ещё нет, — пиши отчёт в полмили длиной! Скоро после каждого хождения в нужник станешь грёбанные отчёты строчить!.. И кому они нужны, кто вообще их читает!

Чип слушал вполуха. Рядом позёвывал Дейл.

Первый голос мрачно заметил:

— Да делать им там, в мэрии, нечего, вот и гоняют нас с тобой, детективов... Утром было дело: сходил я в тот домишко, что в Третьем косом переулке, поспрашивать свидетелей по делу об исчезновении — вдруг кто что вспомнит! — ничего нового не узнал, но зато пришлось писать аж три бумажки, рассказывать во всех подробностях, что делал, с кем говорил, и что из этого вышло. Тьфу!..

— А что за дело об исчезновении?

— Да той певички и её сына. Я же говорил тебе, Крис, не далее как вчера — неужели забыл?

— А-а-а, точно, Роджер, теперь вспомнил!.. Кларисса и Невилл Катберты.

Кларисса?

Командир Спасателей вздрогнул, будто от электрического удара. Схватил за руку недоумевающего красноносого, сделал знак Гайке, Рокки и Вжику. И выскочил в холл.

— Простите, что вы сказали сейчас?

Грузный пожилой хомяк в расстёгнутом пиджаке с прицепленной форменной бляхой, широких брюках, с коротко подстриженными совершенно седыми волосами и жёсткой щёткой усов под мясистым носом, удивлённо вскинул глаза. Его собеседник — молодой тушканчик в синей униформе — нахмурился и потянулся к висящей у пояса дубинке.

— А вы, простите, кто такой? — грозно спросил он.

— Извините... — Чип тяжело дышал от волнения. — Вы только что упомянули певицу Клариссу. Я её старый друг и хотел бы выяснить, что с ней случилось.

Оба патрульных переглянулись с подозрением. Пожилой всмотрелся в лицо главы отряда, зашевелил бровями, будто что-то припоминая.

И вдруг широко улыбнулся.

— Так вы же Спасатели, те самые, из Лос-Анджелеса! Года три назад вы спасли из канализации мою жену и деток³. Я вас видел тогда, правда, мельком... Мы ведь раньше жили там и только в прошлом году перебрались сюда, в Квакертаун⁴. Надо же, какие звери к нам прибыли!..

— Извините, — подошедшая Гаечка просяще сложила ручки на груди. — Нам бы очень хотелось выяснить всё, что касается Клариссы... как вы её называли?.. Катберт. Пожалуйста! Мы подозреваем, что с ней случилась беда.

Тушканчик вздохнул.

— Насчёт беды вы прямо в точку, мэм... Пропала она вместе с сыном, пропала без вести. Ещё позавчера...

* * *

Этот старый трёхэтажный домишко, притулившийся в переулке между грудой сваленных абы как деревянных ящиков и набитым до самого верха мусорным контейнером, явно знавал лучшие дни. Облезлые стены, треснувшие стёкла в окнах, часть окон вообще забита досками, щелястая дверь (щели заткнуты тряпками), водосточная труба, сорвавшаяся с одного из крепящих её кронштейнов и теперь угрожающе раскачивающаяся от ветра. Когда-то помпезная, сейчас выщербленная гипсовая лепнина, украшающая навес над дверью.

Рокфор с сомнением глянул на сжатый в кулаке листок бумаги.

³ См. эпизод "Плыви, плыви, кораблик!"

⁴ Неофициальное название Филадельфии.

— А Роджер точный дал адрес? — спросил он, недоумевая. — Что-то не похоже на жилище знаменитой певицы... Не находите, парни?

Дейл приблизился к водосточной трубе, тронул её рукой. Жестяная конструкция покачнулась, угрожающе скрипнула; незадачливый бурундук отпрыгнул ярдов на десять.

Гаечка взглянула на ближайшее окно, чьё стекло рассекала надвое трещина, заклеенная обрывками газеты.

— Неужели здесь живут звери?.. — прошептала мышка с ужасом.

Вжик сел ей на плечико, запищал в ухо.

— Мой зелёный приятель прав, милая... — вздохнул австралиец. — Ежели у тебя нет ни гроша, ты будешь раз прикорнуть хоть на помойке, под бумажкой какой... Хотя, — тут он окинул убогое строение критическим взглядом, — этакой халабудой и козявки побрезгуют. Кроме тараканов разве что...

Как по заказу, дверь дома с жалобным скрипом распахнулась, выпуская на улицу добрый десяток крупных тараканов. Они тащили разобранную на части насквозь проржавевшую железную кровать и какие-то тряпки, густо покрытые белёсой плесенью.

— Так, молодцы! — скомандовал их предводитель противным скрипучим, как и у всех тараканов, голосом. — Железо — на фабрику, тряпки — на грибную плантацию. Следующий заказ — вывоз мусора из мушиного кафе "Моя любимая помойка".

И, углядев наших героев, деловито поинтересовался:

— Эй, позвоночные! Мусор не нужен? Возьмём недорого.

По тесному коридору плыл запах чего-то жарящегося (и немного подгоревшего), без труда перебивавший ароматы гнили, сырости и канализации. Рокки с присвистом втягивал воздух носом, но так и не мог определить, что же это за кушанье.

— Трава не трава, зерно не зерно... — пожал он наконец плечами. — Бог его знает...

— Это жареные водоросли, — слышался сзади глухой старческий голос.

Спасатели обернулись. Перед ними стоял старый, приземистый, совершенно лысый крыс с густыми белыми усами, одетый в покрытый заплатами рабочий комбинезон.

— Семья Паланг прибыла к нам из Тайланда. А жареные водоросли у них там — обычная уличная еда, как у нас каша или лепёшки с фасолью. Правда, в Тайланде звери жарят морские водоросли, а у нас моря поблизости нет — так что они ловят водяную траву в Делавэре.

Послышалось надсадное пыхтенье, и в коридоре показались два зверя. Первый — тощий крыс в выцветшей рубашке и мятых брюках — тащил за спиной мешок, с которого капала вода. Второй — здоровенный верзила в джинсах и плотной рубаше, расстёгнутой на могучей груди, — без особого труда волок сразу два таких мешка.

Оба дошли до одной из дверей. Тощий бухнул мешок на пол, сердечно поблагодарил силача:

— Огромное спасибо вам, мистер Клэйтон! Вы всегда помогаете моей семье.

— Ничего особенного, старина, — густо пробасил тот, пожимая тонкую коричневую от загара руку. — Мы же соседи.

И направился дальше по коридору.

Старик спохватился:

— Господи, где же мои манеры... Добро пожаловать к нам! Меня зовут Кёрт Дармстадт, я — что-то вроде здешнего домовладельца, а также слесарь, плотник, маляр, электрик, сантехник и вообще мастер на все руки. Пытаюсь подлатать мой старый домишко, чтобы простоял подольше. Люблю эту халупу — я ведь вырос в ней...

Чип выступил вперёд.

— Мы ищем Клариссу Катберт. Нам сказали, что она проживает в этом доме.

Домовладелец печально повесил усы.

— Вы обратились по адресу, господа. Она здесь живёт... или, может быть, жила...

Чип к этому времени уже забыл Клариссу. Новая жизнь — жизнь Спасателей — закрутила его, завертела, поглотила полностью: патрулирование города, погони за преступниками, расследования, засады, поиски улик, новые встречи, новые друзья, новые увлечения. Бурундучиха-певица превратилась в смутное воспоминание, обитающее где-то на задворках памяти и мимолётно всплывающее временами, словно забытая в тёмном пыльном чулане, хоть и памятная чем-то, но совершенно бесполезная вещь, которая вдруг попадает под руку, когда ты ищешь в грудe хлама что-нибудь нужное...

И вот теперь, когда командир оказался в квартире, что она занимала, воспоминания нахлынули, затопили его с головой.

Вспомнилась тонкая ручка, что скользила по его руке, когда они сидели в баре, у стойки, в голове шумело от только что выпитого коктейля "Зелёный шум", а изрядно нахлебавшийся текилы Дейл шумно, с причмокиванием сосал ломтик лимона. Вспомнились яркие изумрудные глаза с длинными пушистыми ресницами, в которых металась озорная огонька, когда она, стыдливо прикрыв ладошкой ротик, смеялась над его дурацкими деревенскими анекдотами. Вспомнился блеск её бриллиантовых серёжек — давнего подарка какого-то богатого поклонника; разноцветные искорки металась в пропитанном табачным дымом воздухе и медленно гасли. Вспомнились ножки в изящных туфельках, ловко перепрыгивавшие лужи на улице, когда она, расставшись с провожавшими её бурундуками, направлялась из кафе домой, — и стремительный воздушный поцелуй, посланный ею на прощание.

Дейл тогда прямо у входа сцепился с двумя мексиканцами, поспорив, какая текила лучше: "серебряная" или "золотая". Чипу пришлось оттащить его за шиворот, а потом вести домой, следя, чтобы незадачливый пьянчуга не плюхнулся носом в грязь, не испачкал жутко дорогой, взятый

напрокат за изрядные деньги фрак. А тому и горя было мало — кренделял по тропинке заплетающимися ногами и распевал посвящённую Клариссе песенку собственного сочинения, немелодичную и на редкость нескладную...

Вспомнился запах её духов, когда они тогда сидели вдвоём на кушетке в её гримёрке (на столике стояла ополовиненная бутылка дешёвого виски, а в дверь ломился какой-то разбуянившийся амбал, к этому времени упившийся, как говорили в родной деревне Чипа, в дымину). Вспомнилась горькие слова об одиночестве, вдруг, в печальном порыве откровенности сказанные ею. Вспомнились его собственные данные от всего сердца, хоть и сбивчивые, клятвы...

Здесь, в большой комнате, тоже пахло её духами. Их аромат явственно ощущался сквозь запахи сырости, гнили, плохо работающей канализации и подгоревшего на кухне лука.

— Вот здесь она и обреталась, — голос Дармстадта доносился до сознания Чипа будто сквозь толстую подушку. — Жила с сыном. Нет, не знаю, от кого она его прижила... Она ведь скрытная была, бедняжка, мало что о себе рассказывала... Небось от какого-то ухажёра-толстосума; знаете таких, мистер Рокфор? — один ветер в голове и никакой надёжи, что называется, поматросят и бросят!.. Одна-одинёшенька была на свете...

Сердобольная Гаечка поливала увядший цветочек, стоявший в напёрстке на подоконнике, из человеческого аптечного пузырька, в каких обычно продают йод. Дейл, сосредоточенно сопя, елозил на коленках по полу, заглядывал под кровать и этажерку — искал улики. Вжик, сидя на тумбочке, печально гладил стоявшую на ней фотографию: счастливая молодая бурундучиха с младенцем на руках.

На кровати до сих пор лежало рукоделие — пальцы с изящным кружевом, искусно сплетённым из простых суровых ниток.

— Когда она пропала? — спросила мышка, ставя пузырёк на место.

Домовладелец смешно зашевелил белыми бровями.

— Да позавчера где-то. После обеда. Пошла встречать сынка из школы — и со всеми концами... Я зашёл к ней за платой, где-то около семи часов, а её нет. Ну, мы, конечно, сразу же побежали в участок — он тут, рядом, во Втором косом переулке, — оттуда пришёл патрульный, расспрашивал о ней у всех, ходил, искал, потом прибыл детектив аж из центрального отделения, да и он ничего не нашёл. Сами знаете наш Патруль — он только пьяниц да хулиганов гонять может, а вот если кража какая или, прости господи, убийство — так он вряд ли найдёт концы... Э-эх, и на что только мы налоги платим!..

Послышался победный вопль — это насквозь пропылившийся Дейл, неудержимо чихая, выполз из-под кровати и принялся демонстрировать всем найденную пуговицу.

Гаечка перебирала пачку бумаг, что обнаружились в ящике тумбочки; судя по её словам, это были сплошь долговые расписки из банка. Вжик оттирал пятнышко с треснувшего зеркальца.

Рокки, стоя посреди комнаты, упёр руки в бока. Горестно повесил усы.

— Сдаётся, друзья, мы тут ничего не выясним... — вздохнул он. — Надо бы поговорить со зверьми, что живут по соседству. Может, они скажут что дельное?..

Мышка положила бумаги в тумбочку, встала с табуретки. Позвала:

— Чип!

Подскочил Дейл, гаркнул прямо в ухо:

— Чип! Идём отсюда! Будем допрашивать местных!.. Чип! Чип! Эй, очнись!

Командир Спасателей вздрогнул, поднял голову. Обнаружил, что стоит у окна и смотрит куда-то в противоположную стену.

— Пойдём, парень, — австралиец мягко тронул его за руку. — У нас дела...

Чип двинулся к двери.

Остановился у тумбочки, взглянул в зеркало. Потрогал расстеленную на потрескавшемся дереве кружевную скатерть; сплетённые из ниток узоры складывались в пышные цветы, изящных бабочек, деловитых жуков и франтоватых кузнечиков. Поднял старую открытку, расправил загнутый уголок; выцветшая картинка изображала золотой, озарённый южным солнцем пляж, млеющие от жары пальмы и три звериные фигурки, уходящие вдаль, — две побольше и одна поменьше. Шагнул к этажерке, провёл пальцем по корешкам расставленных на полке потрёпанных книг (одной не хватало — в ряде корешков зиял промежуток), прочитал названия: "Джейн Эйр", "Оливер Твист", "Серебряные коньки", "Дом странных детей", "Стремительная троица"... "Приключения Спасателей" и "Спасатели против Нимнула", написанные их другом Гордоном Эккертоном...

— Они любили читать... — вздохнул домовладелец. — И Клара, и малыш Невилл...

"Ты и вправду придёшь?" — зашелестел в голове Чипа тихий тоскующий голос.

На миг показалось, что Кларисса совсем рядом, вдруг появилась неизвестно откуда и теперь спрашивает, исполнит ли он ту давнюю клятву.

Командир порывисто оглянулся, в комнате, кроме него, никого не было.

* * *

— Ты так одинок, мой милый... — часто говорила мама.

Она садилась рядышком на кровать и долго смотрела на него. Гладила по волосам тонкой рукой, проводила по щекам пахнущими луком пальцами.

Невилл жадно вдыхал этот запах.

— И друзей у тебя нет... Всё с книжками... Прямо как я...

И, тряхнув головой, произносила с лукавыми искорками в глазах:

— Что читаешь?

Мальчик показывал ей обложку.

— Приключения Терри Голана. "Терри Голан и плачущий истукан". Написал Вудро Энфильд, он англичанин.

Мама наклоняла голову.

— Это случайно не тот подросток-мыш, что открыл проход в другие миры? Кажется, он ещё сражался с рыцарями...

— То было в другой книге — "Терри Голан против Чёрных рыцарей". А эта — совсем другая; я только сегодня взял её в школьной библиотеке.

На лицо мамы набегала тревожная тень.

— Тебя не обижают в школе, маленький мой?

— Нет!.. то есть да... немного... — и Невилл торопливо добавлял: — Но я не обращаю внимания. Как ты меня учила!

И, отвлечь маму от печальных мыслей, поскорее спрашивал о другом:

— А как твои кружева? Много продала сегодня?

Мама оживалась:

— Гольденберг купил сразу три скатерти. Представляешь! И заказал ещё четыре.

— Гольденберг — это тот ювелир, у которого магазин возле школы?

— Да, он самый.

— У него ещё вот такенный нос и борода, как метла?

— Да! — смеялась мама.

— Значит, у нас есть деньги?

— Да, мой милый...

— И мы наконец сможем купить новую лампочку?

— Конечно-конечно. Не будешь больше портить глазки в темноте.

Невилл прижимался к маме. От неё пахло сырým луком — и не было для него на этом свете запаха слаще!

— Спасибо, мама...

И обязательно добавлял — тихо-тихо, чтобы слышала только она:

— И я совсем не одинок. Ведь у меня есть ты...

* * *

Руки Реджинальда Клэйтона не привыкли к такой деликатной работе. Громадные, мускулистые, покрытые порезами, они лучше справлялись с молотком и зубилом.

— Не дёргай, не дёргай... — приговаривала его благоверная, сматывая клубок. — Тут работа деликатная: чуть дёрнешься — и нитка порвётся...

Муж покорно вздохнул и воздел распыленные ручищи с висающим на них мотком шерстяных ниток к потолку.

— Миссис Катберт? — переспросил он. — Конечно, я знаю её! Соседи как-никак... Живёт одиноко, с сыном (отец — вроде какой-то спортсмен, свинья, похоже, редкостная, раз её бросил), плетёт кружева на продажу... правда, платят гроши... Все в ней души не чают, стараются помочь. Я и сам помогаю ей — вот недавно, на прошлой неделе, починил кран в ванной (старина Кёрт тогда был на рынке, покупал краску). А Марта, — тут он кивнул на жену, — на следующий день готовила для её сына обед (сама Клара уехала к клиенту на тот конец города, на восток, аж к самой реке, и застряла там до самого вечера).

— Милейшая женщина, добрейшая, только вот несчастная уж очень, — добавила супруга. — Кто-то с ней жестоко обошёлся — наверно, пообещал взять в жёны и бросил. Мужчины ведь — они такие, сплошь ветер в голове... — и осуждающе глянула на мужа.

Гаечка сделала пометки в блокноте.

— У неё были друзья, знакомые? — спросила она. — Ходил ли к ней кто-нибудь в гости?

Марта Клэйтон ответила с готовностью:

— Таких уж близких друзей, насколько я знаю, у неё не было. А ходили к ней многие. Мы сами, Паланги — они живут там, дальше по коридору, — Дубина Бонд из квартиры снизу, Грэг Шоулз, его сосед, — да, почитай, все, что живут тут. (Говорю тебе: не дёргай, а то порвёшь мне все нитки!) Дубина давал ей варенье бесплатно, Шоулз раз защитил от хулиганов — он ведь драчун, каких поискать, а в молодости даже сидел за это... Младшие Паланги мыли ей полы. Но всё как-то, знаете, так и не сблизилась с ней. Необщительная она была... — и вздохнула. — Что с ней случилось в жизни, не знаю...

— Да, мы виделись много раз, — сказал, тщательно подбирая слова, мистер Паланг, обтирая тряпкой облепленные речной травой руки. — Мы помогали ей... как у вас это называется?.. по хозяйству. Она жила очень одиноко, ни с кем не общалась. Но заходили к ней многие, тоже предлагали помощь.

— У неё были враги? — спросила мышка, переворачивая страницу блокнота.

Пожилый крыс отложил тряпку, скрестил коричневые морщинистые руки.

— Я не знаю, госпожа... Кажется, нет. Только один раз на неё напали... как у вас это называется?.. хулиганы, и мы отбились от них.

Тут он обернулся и что-то сказал на своём языке старшим сыновьям, пристроившимся за другим столом. Те заработали ножами быстрее.

— Мы готовим жареные водоросли, госпожа, — улыбнулся он, показывая редкие зубы. — Это наша на-ци-о-наль-на-я, — это слишком длинное слово он выговорил очень старательно и даже с гордостью, — еда. Хотите попробовать?

И, не дожидаясь ответа, ловко свернул из чистой бумажки кулёк, и насыпал в неё ворох тёмно-бурых листьев, пахнущих тиной и горячим маслом.

— Спасибо...

Дейл тут же схватил целую горсть, сунул в рот и взвыл.

— Осторожно — они ещё горячие!.. Нет-нет, деньги оставьте при себе — это просто угощение! Вы ведь — Спасатели, так? — и мистер Паланг опять улыбнулся. — Да-да, здесь, в Филадельфии, мы слышали о вашем отряде.

И нахмурился, глядя на Чипа.

— Это ваш муж? Почему он такой грустный?

Гаечка покраснела.

— Нет, что вы!.. Мы просто друзья. И... пропавшая миссис Катберт была его близкой подругой...

— Так Клара — ваша близкая подруга, мистер Чип Мэйплвуд? — Дубина Бонд прищурился. — Сдаётся мне, сэр, между вами случилась размолвка, и большая... Это так же верно, как и то, что сейчас вечер!..

И, глянув на большую электрическую плиту, всплеснул покрытыми ожогами руками, и бросился к внушительному чану, и принялся помешивать ковшом булькающее в нём густое варево.

— Варю варенье, продаю на сторону, — доложил он подлетевшему поближе привлечённому аппетитным запахом Вжику. — Тем и живу. Не жалуюсь! Моё варенье даже рестораны покупают — во как! — и тут же принялся разглагольствовать совсем о другом: — Благоверная от меня ушла уже давно, забрала всё имущество и детей. Сказала напоследок: дубина ты, Дубина, хоть и учился в колледже!.. Вот с тех пор тут и обретаюсь...

— А о Клариссе что скажешь, яблочная душа? — Рокфор поднял со стола кусок яблочной кожуры и бросил его в помойное ведро.

Бонд пожал тощими плечами.

— Да что сказать... Сказать-то особо и нечего. Жила тут, одна-одинёшенька, ну-у-у, если не считать сына. Прижила его, сдаётся, от какого-то хлыща, который её потом бросил. Плела кружева — тем и зарабатывала. Ни к кому в гости не ходила; только разок мы встретились у Шоулза и сыграли партейку в покер... кто ж там ещё был?.. вроде как сам дедуля Дармстадт, Клэйтон... вот только не помню, с женой или один... супруга-то у этого мордоворота строгая — одного никуда не отпускает, даже в кабак... — помолчал немного. — Я давал ей варенье, просто так, даром, раз десять, наверно; фрукты на базаре стоят — глаза вылупишь, а мальчонке нужны витамины. С Шоулзом они раз поцапались, вот только из-за чего — хоть убей, не могу припомнить.

Гайка тщательно записала его слова. Мягко взяла командира за руку.

— Чип, пойдём...

Дейл, чью физиономию покрывали тёмно-бурые крошки водорослей (не иначе, сожрал всё угощение сам), глядел на него с тревогой.

— Слушай, гражданка начальница, запирайтесь не буду! — Шоулз со стуком уронил на стол белые от муки руки. — Да, сидел! Давно ещё... молодой был, глупый... сила есть — ума не надо... Но я уже вышел, поняла? Я работаю в пекарне, давно уже, мешу тесто; если не верите, сходите на Первый косоулок, найдите заведение братьев Лосински и спросите у них, — и нервно мотнул рваным мышиным ухом. — А то что накидал в дюндель тем хмырям, что полезли на неё с ножиком, — так это была самооборона!

— Мы ни в чём вас не обвиняем, мистер Шоулз, — успокоила его Гайка. — Просто хотим выяснить, не было ли врагов у миссис Катберт.

Мыш пошевелил щетинистым подбородком. Поскрёб татуировку на запястье.

— Да нет, вроде, не было... С чего же ей наживать врагов!.. Жила тихо, скромно, никого не задевала. Мы разок поругались с ней, но то полная фигня была — из-за музыки: я сказал, что лучше кантри ничего нет, а она за какие-то оркестры задвигать начала... Ну, полаялись, а потом помирились.

И решительно выпрямился.

— Нечего мне вам сказать, граждане следователи. И ничего вы мне не пришьёте — не докажете! И вообще, устал я на работе, спать хочу!..

— О, да, Шоулз — известный грубиян, — мистер Лестер покачал головой. — Я совершенно не удивлён, что он вас выставил...

Мышка открыла блокнот.

— Вы же насчёт миссис Катберт? — хозяин квартиры засуетился. — Присаживайтесь, прошу вас!

Он наклонился, поправляя покрывало на кровати. Из нагрудного кармана его комбинезона выпали ключи; он спешно поднял их; Чип успел заметить засаленную бирку с надписью "Склады Шепертона".

— О, она была очень одинока... — мистер Лестер вздохнул. — Вероятно, ни с кем так и не завела тесного знакомства... Хотя ей многие помогали, да-да. Дармстадт (милейший зверь! вы уже познакомились с ним?), Клэйтоны, Паланги, мой сосед Бонд (не кривя душой, скажу, что он варит самое вкусное варенье во всём нашем районе), да и Шоулз (хотя он тот ещё тип... ему лучше не подворачиваться под горячую руку). Я сам тоже помогал. Кажется, за ней пытался ухаживать местный патрульный, некий Дэвис, но точно я сказать не могу, ибо в это время был на работе.

— Ты, приятель, выражаешься прямо по-книжному... — заметил Рокки, улыбаясь в усы.

Хозяин квартиры покраснел. Он явно был польщён.

— Чтение — моя страсть! Вот, сами посмотрите! — и указал на аккуратно расставленные на прибитых к стене полках книги. — Я собрал неплохую библиотечку, по большей части, из литературной классики. Держу их в целости и сохранности — терпеть не могу, когда книга испачкана и, тем паче, изорвана.

Чип равнодушно скользнул взглядом по ровным рядам книг — новеньких, чистеньких, без единого изъяна. Задержал взгляд на одной из них — сильно потрёпанной, лежавшей сверху, прямо на корешках, кажется, детской.

— Вообще-то, я слесарь, делаю замки и ключи к ним, — добавил хозяин, словно извиняясь. — Пропадаю на работе с утра до вечера, так что не особо в курсе здешних дел... Вы лучше спросите у мистера Дармстадта, мистера Бонда и семейства Палангов — они всё время здесь, осведомлены обо всём гораздо лучше меня.

Гайка спрятала блокнот и карандаш.

— Большое спасибо, мистер Лестер! Вы нам очень помогли.

А когда они уже собирались уходить, слесарь вдруг добавил встревоженно:

— И обязательно разыщите того патрульного, Джонса. Я как-то сталкивался с ним и скажу: неприятнейший тип, едва ли не хуже Шоулза!..

* * *

Кажется, собирался дождь. Ветер доносил издалека запахи влаги и электричества; пару раз в отдалении прогрехотал гром. Монотонно шумели проезжавшие по расположенной за домами улице автомобили.

В пустой голове не было ни единой дельной мысли.

"Кларисса!"

"Где же ты? Что же с тобой случилось?.."

Мигала чуть живая лампочка над входом. Потрескивал где-то электропровод с пробитой изоляцией. Непроглядная тьма, полная пугающих призраков, обступала старый звериный дом.

Остальные Спасатели отправились в выделенную им домовладельцем пустующую квартиру на верхнем этаже. Их командир, сказав, что ему нужно проветрить голову, вышел на улицу.

Ему хотелось побыть одному.

Вновь и вновь Чип вспоминал ту горячую клятву, данную им прелестной бурундушке в синем платье и горжетке на хрупких плечиках. Вновь и вновь он возвращался в мыслях в то время, когда в крови хмельным вином бурлит беспечная юность, когда кажется, что ты способен свернуть горы, когда жизнь кажется бесконечной, а смерть — недостижимой.

Когда любовь — это навсегда, и любые, даже невыполнимые клятвы даются с лёгкостью...

"Прости меня, Кларисса..."

На улице тогда шёл дождь; вода с рёвом лилась по проходящей за стенкой водосточной трубе. Человеческие часы, укреплённые на стене, показывали уже одиннадцатый час. А ничего не подозревающий Дейл мирно дрых дома.

"Я приду к тебе! Обязательно! Клянусь!" — сказал тогда бурундук.

Но так и не пришёл...

Хлопнула дверь. Кто-то кашлянул, харкнул в сторону. Зачиркал зажигалкой.

Чип обернулся. Это был Шоулз. Привалившись к двери, он попыхивал самокруткой и сумрачно смотрел в темноту.

— Ты же тот следак, что работаешь с белобрысой начальницей, так? — заговорил он. — Не спится мне, решил башку проветрить... Курить будешь? Нет?

Меньше всего командиру Спасателей сейчас хотелось разговаривать с кем-то, тем более с этим отталкивающим типом. Он шагнул уже к двери, как Шоулз вдруг сказал:

— Правду болтают, что она была твоей подругой? Чего ж вы расстались-то?.. Дурак ты, следак, — такую даму упустил!..

— Не ваше дело, — хмуро бросил Чип.

— Не моё — так не моё... — неожиданно покладисто ответил немолодой мыш. — Только вот, — тут он перешёл на шёпот, — убьют её — и грех будет и на твоей душе тоже. Не уберёг ведь ты её!..

Мимо прошагал, важно помахивая дубинкой, патрульный. Подозрительно глянул на стоявших у двери зверей и не спеша двинулся дальше. Шоулз проводил его угрюмым взглядом.

— В нашу пекарню ходит за хлебом один тип, — доверительно сообщил вдруг. — Вчера он тоже вот так пришёл и принялся калякать с Франтишеком, старшим из братьев. И говорит: тот тип, что похитил бедняжку Клару, — серийный убийца. Зуб даю — точно он, говорит! А серийников ловить — дело дохлое. Даже самые крутые, самые ушлые, самые мозговитые сыскари, вроде Новака, про которого недавно писали в газете, не всегда могут их взять!

Отброшенный им окурок полетел в темноту.

— Дело дохлое — точно говорю тебе, сыщик! Не найдёте вы бедняжку. Если только не случится чудо...

* * *

Когда-то мама была певицей. Правда-правда!

Она пела в Чикаго, в кафе "Трилистник", а один раз исполняла национальный гимн на стадионе "Хакиз" перед большим матчем. Она пела в Нью-Йорке, в клубах "Медные брызги", "Моветон" и "Старая мельница" и даже в театре "Два Шекспира" на Бродвее (этим театром заправляли два брата-близнеца Шекспиры — и это была их настоящая фамилия!). Она пела в Вашингтоне, в ресторане "Корона", в который захаживал сам звериный президент Соединённых Штатов!

Она пела в Бостоне, в ресторане "Магараджа", баре при отеле "Пассаж", джаз-клубе "Синкопа" и "Желудёвом кафе", пока его хозяин не разорился, и оно не закрылось...

Мама часто вспоминала начало тех времён. Когда звенел ярко начищенной медью оркестр, когда неспешно раздвигался плюшевый занавес, и подгулявшая публика вмиг переставала жевать и чокаться, едва она выходила на сцену. Когда ей дарили огромные букеты цветов, присылали в гримёрку шампанское, когда поклонники толпами бегали по пятам, часами дожидались у двери, чтобы встретиться с нею. Когда вино так сладко кружило голову, а жизнь казалась такой лёгкой...

Потом, когда мама проживала в Чикаго, у неё появился поклонник, на которого она, по её словам, возлагала надежды. Толстый хомяк с жирными, унизированными золотыми перстнями пальцами долго клялся ей в вечной любви, дарил невероятно дорогие цветы — орхидеи, а однажды сводил в дорожный ресторан, куда пускали только по специальным карточкам.

Там, изрядно выпив, он пообещал жениться на ней. А на следующий заявился в её гримборную и с постной физиономией объявил, что помирился со своей законной женой, что их отношения были всего лишь ошибкой, и что теперь между ними всё кончено...

Когда мама рассказывала об этом, у неё дрожал голос.

Такая же история случилась в Майами. Только тогда несостоявшийся жених был тощим, как жердь, длинным, как фонарный столб, и с такими бесцветными глазами, что казалось, будто в них налили воды.

Такая же история случилась в Вашингтоне. Только тогда пылким ухажёром оказался важный правительственный чиновник; напоследок он, пряча глаза, сказал, что лучше не будет вступать в столь сомнительный брак, дабы сохранить репутацию.

Такая же история случилось в Сан-Франциско. Только тогда поклонник, невероятно богатый наследник двух многомиллионных состояний, променял маму на дочку миллиардера.

Мама начала пить. ("Никогда даже в рот не бери спиртного, мой мальчик!" — обязательно говорила она при этом. — "И опомниться не успеешь, как пропьёшь всё, что у тебя есть в жизни!") Мама даже употребляла наркотики. ("Сначала тебе хорошо, а потом..." — горько призналась она однажды.) Пару раз её за пьянство арестовывал Патруль, и она проводила ночь в участке.

— А потом появились те два бурундука? — спрашивал её Невилл. — Один — всегда такой серьёзный, а другой — с красным носом?

Мама кивала и улыбалась.

Они были совсем юные. Симпатичные, добрые и смешные. Они были лучшие друзья с самого детства, что называется, не разлей вода, хоть часто ссорились и даже дрались. Они жили в одной квартирке где-то на окраине города, практически в лесу.

Серьёзного звали Чип Мэйплвуд. Он работал курьером в редакции газеты "Бостонский зверинец" и неплохо играл на пианино.

Красноногого звали Дейл Окмонт. Он лихо наяривал на контрабасе в зверином цирке.

Они приходили на каждое её выступление в "Желудёвом кафе", всегда усаживались поближе к сцене, и, раскрыв рты, слушали, как она поёт, и смотрели на неё во все глаза, а когда заканчивался очередной номер, хлопали громче всех. Они были совсем непосредственными, эти милые молодые звери — не иначе, прибыли в большой город из какой-нибудь звериной деревушки, затерянной в окрестных лесах, смотрели на мир широко открытыми глазами и чувствовали его всем сердцем.

Неудивительно, что мама, к тому времени разуверившаяся во всём и во всех, потянулась к ним всей душой.

Красноносый Дейл был слишком легкомысленным, чтобы оказаться способным на более глубокое чувство, чем лёгкий флирт.

Но Чип...

— Ты не поймёшь, маленький... — вздыхала мама, говоря об этом.

Но Невилл всё понимал. Ведь ему было уже десять лет! Ну, почти...

В то время "Желудёвое кафе" уже влачило жалкое существование. Хозяин без конца судился: то с бывшей женой, то с банком, претендовавшим на помещение, то с какой-то чересчур скандальной звездой, выступавшей здесь ещё до мамы и чем-то обиженной на заведение. Все эти судебные тяжбы требовали денег — всё больше и больше.

И настал момент, когда денег не осталось совсем.

Нет, на первый взгляд, всё было по-прежнему. Всё так же гремела музыка, всё так же встряхивал шейкером представительный бармен за стойкой, всё так же шумно веселилась публика, всё так же призывно пылала вывеска над входом. И никто из праздных посетителей не догадывался, что их любимому кафе осталось жить всего пару недель...

И двое милых её сердцу бурундучков также не знали об этом...

В тот вечер они устроили настоящее представление. Вскочили на сцену, едва ли не взащей выгнали нового, отчаянно фальшивившего пианиста и здорово пьяного, не попадавшего по струнам контрабасиста и принялись играть сами. И играть здорово! Чип одним духом выдал "Когда святые маршируют", а потом начал исполнять другие джазовые стандарты один за другим. Дейл лихо дёргал струны контрабаса и вовсю, что называется, выделялся: вертел инструмент на подставке, приплясывал и, наконец, войдя в раж, покраснев от натуги, поднял контрабас и стал играть на нём, как обычно играют на гитаре (правда, пару раз едва не свалился со сцены, но всё обошлось). Публика хлопала и свистела; хлопал и свистел даже вечно угрюмый Клод, здешний вышибала.

А потом, рассказывала, улыбаясь, мама, они сидели у барной стойки и пили. Чип распробовал фирменный коктейль "Зелёный шум", делавшийся из крепкого ликёра и мятной настойки, а Дейл, углядев, как лихо дуют текилу латиноамериканцы, опрокинул рюмок пять, окосел, потянулся поцеловать маму, но промахнулся и чмокнул в нос бармена...

А потом они провожали её домой. Чип галантно поцеловал ей ручку, а Дейл в это время, с трудом удерживаясь на ногах, декламировал стих, который сочинял прямо на ходу.

А на следующий вечер Чип пришёл снова...

* * *

— Чип!

Прохладная ручка нежной мышки легла на разгорячённый лоб командира.

— Что с тобой? Что тебя гнетёт?

Бурундук в шляпе тяжело вздохнул. Мотнул головой, невидяще глянул в заросший плесенью угол. Сел на уголок железной кровати с драным матрасом, отвернулся, уставился в угол.

Гаечка присела рядом. Обвила его рукой за талию.

— Чип, если тебя что-то гложет, расскажи нам. Поделись с нами!

Рокфор грузно топнул рядом. Шевельнул усом, положил пухлую ладонь на плечо бурундука.

— Девушка права, приятель. Если у тебя тяжело на душе, расскажи нам. Ведь для того и существуют друзья, чтобы делить с тобой горести, чтобы понимать и прощать. Чип! У тебя что-то случилось с Клариссой? Что-то нехорошее? Какая-то размолвка?

Командир вздрогнул всем телом. Сдавленно всхлипнул, нервно мазнул по лицу рукавом куртки.

— Да... нет... — затараторил он невпопад. — Просто... я просто... — и решительно выпалил: — Я просто боюсь, что с Клариссой и Невиллом случится что-то плохое! Боюсь, что мы не успеем их спасти!

И принялся пересказывать друзьям слова Шоулза.

Гаечка помрачнела. Вскочила, отошла в другой угол тесноватой квартирки, принялась лихорадочно рыться в своём рюкзаке.

Подскочил Дейл. Хлопнул Чипа по плечу.

— Да не кисни, старина! Мы обязательно спасём их! Мы же Спасатели!

Вжик тихонько сел на другое плечо командира, пропищал что-то и чмокнул в щёку.

Бурундук в шляпе решительно встал.

— Вы правы, друзья! Мы — Спасатели! И мы должны спасти их!..

— Этак можно подумать на любого, кто живёт в этой халупе... — Рокфор снял шлем, запустил пятерню в пышный рыжий чуб. — Взять того же здоровяка Клэйтона. С виду вроде приличный зверь, а на деле, может, он и есть тот самый серийный убийца. Или сам Шоулз — бр-р-р, противнее субъекта ещё поискать надо... Да хоть бы и сам здешний домовладелец... как его?.. Дармстадт. Добряк, всем помогает, а на деле — чёрт его разберёт!.. Правильно говорят: чужая душа — потёмки...

— "Мрак и ужас: Читая душу преступника"! — зазвенел взволнованно мышкин голосок. — Хорошо, что я взяла эту книгу с собой.

Она подбежала к Чипу. В её руках была раскрытый на середине пухлый томик.

— Профессор Варсонофий Дурка, в зверином мире первый начавший исследование психики серийных убийц, пишет, что первое, с чего следует начать, — составление психологического портрета, — сказала она, водя пальчиком по страницам. И принялась читать: — "Имея готовый психологический портрет, можно существенно сократить количество подозреваемых в совершении преступления".

Дейл сунул красный нос в книгу.

— А где его взять, этот пси-хо-ло-ги-чес-кий портрет? — недоумённо протянул он. — Кто его нарисует?

— Не нарисует, а напишет, — прелестная изобретательница погрозила ему пальчиком. — Психологический портрет описывает характер предполагаемого преступника, его привычки и образ мыслей. Вот, послушайте, что пишет сам профессор: "Практически всегда серийный преступник в

детстве подвергается насилию со стороны родителей, опекунов, соседей или соучеников, что оставляет неизгладимые черты в его душе. Практически всегда он чрезвычайно инфантилен, ощущает себя ребёнком, окружённым злыми и агрессивными взрослыми, желающими причинить ему вред. Вследствие этого он стремится самоутвердиться или даже отомстить настроенному по отношению к нему враждебно внешнему миру, истязая слабых, чаще всего насекомых, совсем мелких зверей наподобие землероек или мышей-малюток, однако позднее он может перейти на детей и женщин своего вида. Помимо этого, он практически всегда замкнут, необщителен; у него нет семьи и друзей, он всегда одинок; при попытке же познакомиться с ним, узнать его поближе он вполне может проявить агрессию. Вместе с тем, он обычно тих, вежлив, может быть хорошо образован и начитан, может оказаться интересным собеседником, если, опять же, не проявлять к нему слишком пристального интереса. Серийные преступники практически всегда внешне непримечательны и ведут ничем не примечательную жизнь, никоим образом не проявляя свою злодейскую сущность". Вот ещё любопытная деталь: "Часто серийный преступник забирает с места преступления какую-либо вещь, обычно малоценную, в качестве трофея". Далее идёт более подробное рассмотрение всех аспектов психологического состояния серийного преступника, но, полагаю, сейчас не время знакомиться с ним.

Чип решительно поправил шляпу.

— Ты права, Гаечка. Нам нужно действовать, и как можно быстрее!

— Я могу попытаться построить психологический портрет преступника, основываясь на материале этой книги и всём, что мы уже знаем, — изобретательница достала из кармана комбинезона пухлую тетрадку и карандашик.

— Отлично! А я ещё раз наведаюсь в квартиру, где жила Кларисса, и поищу улики. Вдруг мы что-то упустили!

Рокфор указал на столик у кровати:

— Старый Кёрт дал нам ключ от её жилища. Вон там он лежит.

* * *

Мама помнила тот вечер в мельчайших подробностях. Когда она рассказывала, её лицо светлело, а морщинки на лбу разглаживались сами собой.

— Тебе нравился тот бурундук? — спрашивал её Невилл.

— Да, мой мальчик... — вздыхала она. — Очень...

Они сидели у неё в гримёрке после выступления. За тоненькой, сделанной из картона стенкой бухал медью оркестр, пьяный громила за дверью по-звериному ревел и обещал сломать замок, если его немедленно не впустят (а Клод, вышибала, как назло куда-то запропастился). Уныло шумел в водосточной трубе дождь.

Чип держал маму за руку. В свете тусклой лампочки от наручных часов его глаза блестели, как звёзды.

Он с жаром говорил о деревенской жизни, о том, как смолят весной, перед сезоном навигации, звериные лодки, как какой-то Джонни Фунгус умудряется по одному лишь запаху отличить хороший

гриб от червивого, как сплести шалашик из травы, как воняют горелой газетой сигары мистера Финча, как весело гудит по воскресеньям Центральный звериный рынок Бостона. Он рассказывал истории из деревенской жизни: как он впервые побывал на танцульках, и Кадушка Дженкинс во время пляски отдала ему обе ноги, как на свадьбе Спотыкач Вуд, изрядно к тому времени набравшийся, начал произносить речь, но не договорил, свалился под стол и захрапел, как они с другими мальчишками плавали на самодельном плоту вниз по реке и сели на мель, и какие восхитительные плюшки печёт из дикого зерна его мама...

— Прости... — он неожиданно смутился. — Я, наверно, надоел тебе со своими байками... Ты уже думаешь, что я какая-нибудь неотёсанная деревенщина...

— Нет-нет! — горячо возразила она. — Продолжай, прошу тебя!

Ей действительно нравились его, как она сам выразился, байки о простой деревенской жизни, о простых и честных людях, живущих за городом, там, где тяжёлый труд приносит немудрящую пищу, где, если ты оказался в беде, тебе всегда придут на помощь, где нет места ни обману, ни одиночеству...

Тикали часики на стене; секундная стрелка деловито бежала по циферблату. Время шло, но влюблённые этого не чувствовали...

— Ах, Чип... — вздыхала мама. — Где же ты?..

Он был совсем юным и не знал, что жизнь порой оказывается такой жестокой, и что не вся данная тобой клятва может быть исполнена...

Тот мускулистый спортсмен-штангист, что повстречался ей год спустя, хвастался перед ней своими успехами, показывал золотую медаль, а потом, узнав, что она беременна, внезапно исчез, оставив на память только пару рваных носков, тоже многое обещал...

* * *

Квартира Клариссы встретила Чипа тишиной и темнотой. Бурундук щёлкнул выключателем, прошёл к окну, всмотрелся в густой мрак, будто ожидая увидеть там ответы на все мучавшие его вопросы. Прошёл к тумбочке, провёл пальцами по кружевной скатерти, смахнул с неё пылинку. Присел на кровать, бережно погладил ладонью растянутое на пальцах недоделанное кружево.

Он в какой уже раз вспомнил тот дождливый вечер в Бостоне, "Желудёвое кафе", тесную, пропахшую пудрой гримёрку, монотонное тиканье часов, медный гром оркестра за стеной и свои жаркие признания...

— ...Обещаешь? — тихо-тихо спросила она тогда.

О чём речь?! Конечно, он обещает!

— Вернёшься ко мне?

Он закивал так, что уронил цилиндр.

— Ха-ха! Какой ты смешной!..

Она вдруг погрузилась. Провела тонкой рукой по его плечу.

— Мне так одиноко...

О, да, она была одинока! Среди всех этих расфуфыренных франтов, увешанных золотом и бриллиантами, среди всего этого шума и грома, среди всей этой мишуры. Среди равнодушного, холодного, мокнувшего под непрекращающимся дождём города, где дети худы и бледны, а взрослые равнодушны...

В едва заметной жилке на её бледной бесплотной руке отчаянно бился пульс.

Чип задохнулся от захлестнувшей его жалости.

— Я приду! — заговорил он, сбиваясь. — Я вернусь! Я... я... я никогда тебя не брошу! Приду, вернусь — только позови! Только позови меня! Напиши письмо, пошли радиogramму!.. Я... я клянусь тебе! Клянусь богом, жизнью и всем, что есть у меня!..

Её губы были жаркими, как летнее солнце, как свежий хлеб, когда его только-только вынули из печи, как неописуемо вкусная мамина похлёбка из муки со свежей зеленью мятлика. Её тело пахло цветами.

Чип едва не плакал от жалости к ней.

— Я вернусь! Я приду и спасу тебя! — задыхаясь, шептал он в её нежное ушко. — Я... я... я — Спасатель!

Её изумрудные глаза горели отчаянной надеждой.

— Не плачь... — выдохнул он. — Ты не одинока...

...Слёзы неудержимо хлынули из глаз командира. Он всхлипнул, торопливо утёрся рукавом.

И, почувствовав чьё-то присутствие, резко поднял голову.

Перед ним стояла Кларисса.

Она была всё так же прекрасна, как и в вечер их последней встречи, несмотря на пролетевшие годы. Только вокруг глаз появились морщинки, на тонкой ручке багровел старый ожог, а чудесные изумрудные глаза потемнели от пролитых слёз.

Она висела в воздухе, поджав белые ножки, будто не желала пачкать их о грешную землю.

Бурундук вскочил. Попытался схватить призрачную руку, но его пальцы прошли сквозь неё, как сквозь воздух.

— Кларисса? — задыхаясь, едва вымолвил он.

Она кивнула. Улыбнулась, склонив набок голову. С невыразимой нежностью взглянула на него.

— Постой... — Чип сорвал шляпу, яростно заскрёб макушку. — Рокфор говорил, что, если призрак приходит не во сне, а наяву, значит, самого зверя нет в живых... Но тогда, выходит... — и похолодел. — Тебя уже... уже нет?..

Шляпа выпала из его ослабевших пальцев.

— Кларисса! — простонал он. — Кларисса! Милая... Как же так?..

Прикосновение её рук напоминало щекотание нагретого солнцем тополиного пуха. Её тело пахло цветами, радующимися яркому лету на лесной полянке. Весёлые цветы, пышные бабочки и смешные маленькие мушки покрывали её застиранный халатик.

Чип плакал навзрыд.

— Кларисса... Прости меня...

Вместе со слезами наружу рвались сбивчивые слова признания.

— Кларисса... Клара... Кларочка... прости меня... Я был такой глупец... такой эгоист... Я ведь обещал тебе вернуться!.. но так и не пришёл... Я получил твоё письмо, ещё когда жил в Бостоне с Дейлом... но мы тогда торопились на работу... я положил письмо в карман и, кажется, потерял его... А потом мы переехали в Лос-Анджелес... Теперь я живу там, у меня новые друзья, мы — отряд Спасателей. Вот только тебя я не спас...

Тень пробежала по её прекрасному лицу.

— Кларисса, ты когда-нибудь простишь меня?..

Она взглянула на плачущего бурундука внимательно и строго. Протянула руку, указывая на стоявшую на тумбочке фотографию.

Чип протёр глаза, шагнул вперёд.

Фотография изображала бурундучиху, державшую на руках младенца.

— Невилл... — выдохнул командир.

И заговорил поспешно:

— Невилл — он ведь ещё жив, да? Я спасу его! Я... я клянусь тебе — и обязательно исполню эту клятву! Верь мне!

Она отстранилась. Вытянула руку в сторону этажерки, указала на стоявшие на ней книги. Снова улыбнулась, потом посерьёзнела, сделала руками знак.

— Я понял, я понял... — у Чипа перехватило дыхание. — Нужно спешить... Время на вес золота...

Его взгляд уже бежал вдоль книжных корешков. Остановился на прорехе в их стройном ряду.

— Все книги детские... — забормотал сыщик. — Все сильно потрепаны... И одной не хватает... Где же я видел одну сильно потрепанную детскую книгу... Что там говорила Гаечка?.. Кажется, серийный преступник часто забирает с места преступления трофей... — и воскликнул торжествующе: — Трофей — это книга!

Он опрометью выскочил в коридор. Прогрохотал по лестнице, спускаясь на первый этаж, подбежал к двери квартиры Лестера, забарабанил в неё кулаками.

— Его нет! — воскликнул он. — Так, что ещё?.. Кажется, он случайно выронил ключи... Склады... какие же склады?.. ага!

Не обращая внимания на высунувшегося из двери заспанного Шоулза ("Кто тут по ночам разгромы устраивает? Ща в рыло дам!"), он побежал вверх по лестнице.

Бедный мистер Дармстадт перепугался до смерти, когда его посреди ночи рывком выдернули из постели, и он прямо перед собой увидел решительное лицо бурундука, предводителя прибывшего недавно отряда Спасателей.

— Где находятся склады Шеппертона? — выкрикнул тот ему в лицо. — Ну! Отвечайте скорее!!!

* * *

Невилл спал, скорчившись на полу, поэтому убийца просто пнул его в бок. Мальчик вскочил, захлопал глазами, потом, поняв, что он всё ещё в плену, задрожал от страха и скорчился в уголке.

Убийца пришёл ночью. Он тоже чего-то боялся: поминутно вздрагивал, поглядывал на запертую дверь и всё бормотал себе под нос:

— Они пришли... Они найдут меня... найдут... найдут...

Он бросился к стоявшему у стены ящику, набитому всякими железяками, зло пнул его; железяки, гремя, рассыпались по полу. Торопливо наклонился, принялся их собирать, но, не закончив, метнулся к мятой железной раковине, дрожащей рукой открыл кран.

Невилл, сжавшись в комочек, смотрел, как убийца, остервенело, разбрызгивая мыло и воду, пытается оттереть навсегда въевшуюся в руки кровь его мамы...

Склады Шеппертона представляли собой ряд унылых барачков, склеенных и сколоченных из разноразмерных кусков фанеры, жести и пластика, выстроенных вдоль глухой стены не менее унылого человеческого склада. Они находились в переулке, таком тесном, что два человека, столкнувшись там, могли разойтись с трудом; впрочем, зверям это было на руку — похоже, никто из двуногих гигантов сюда не заглядывал.

Чип метался от одной уныло-серой двери к другой, прислушивался, пытаясь уловить хоть какой-то шум. Но стояла мёртвая тишина, нарушаемая лишь отдалёнными автомобильными гудками.

Где же склад Лестера?

Бурундук всмотрелся в едва видимые в свете тусклых лампочек укрепленные на дверях номера, застонал от бессилья. Сорвался с места, бросился к видневшейся вдаль, под более яркой лампочкой, будке смотрителя, но остановился как вкопанный.

Нет времени. Пока он будет бегать к смотрителю, может случиться непоправимое...

Чип метнулся в противоположную сторону, замер, прислушиваясь. Ничего.

Хоть какой-нибудь шум! Хоть какой-нибудь знак!..

Шумела льющаяся из незакрытого крана вода, с бульканьем устремляющаяся в слив. Тяжело дышал убийца, стоя перед мальчиком с ножом в руке.

— Нужно замести следы, — прохрипел он. — Тогда они не поймают меня. Да-да, не поймают! У них не будет доказательств.

Его руки тряслись, но глаза оставались всё такими же серыми и пустыми.

Он сделал шаг. Занёс нож, облизал языком мелкие зубы.

— Да-да, замести следы... Прямо сейчас... немедленно...

Невилл вжался в стену. Попытался крикнуть, но крик застрял в пересохшем горле.

Что-то лёгкое и тёплое, как нагретый солнцем тополиный пух, коснулось его руки. Мальчик повернул голову.

Рядом с ним на корточках сидела мама.

Она была совсем как живая. Вот только почему-то сквозь её тело просвечивала противоположная стена и стоявший у неё пустой ящик с выломанной крышкой.

Мама нежно улыбнулась ему. Придвинулась поближе, поцеловала Невилла в лоб ласковыми мягкими губами.

В книгах пишут, что привидения бессловесны. Но бурундучок был готов поклясться, что расслышал её слова:

— Ты не одинок.

Зазвенел упавший на пол нож.

А спустя мгновение уши разорвал истерический крик убийцы.

Истерический крик ввинтился в уши Чипа, подобно стальному сверлу. Командир Спасателей завертел головой, пытаясь определить, откуда он доносится.

И через секунду уже скачками нёсся к нужной двери.

Скользкая ручка противно липнет к пальцам. Отчаянный рывок — хлипкий замок с треском ломается, и дверь распаивается настежь.

Внутри — свет одинокой лампы, запах ржавчины и сырости. Рассыпались по полу железяки, вывалившиеся из опрокинутого ящика, льётся из незакрытого крана в мятую жестяную раковину вода, кучей навалены у входа какие-то тряпки.

В углу съёжился прикованный цепью к трубе измученный мальчик-бурундучок. А перед ним, распахнув в крике рот, стоит мистер Лестер, и иззубренный нож валяется под его ногами.

Чип дал маху — случайно наступил на валявшийся на полу осколок стекла, поскользнулся и замахал руками, ловя равновесие. Это отняло у него целую секунду.

Которой убийце хватило, чтобы прийти в себя.

Он с быстротой атакующей змеи наклонился, схватил нож. Выставил его вперёд, пошёл прямо на командира.

— С дороги! — прорычал он. Махнул ножом — Чип едва успел отшатнуться.

И бросился наружу.

И свалился мешком от мощного хука в челюсть.

Это был Дейл. Воинственно полыхая красным, как стоп-сигнал светофора, носом, потрясая крепким кулаком, он ввалился в помещение. Хлопнул друга по спине, выдохнул измученно:

— Уф!.. Еле успели...

Вслед за ним вбежал Рокки. Тут же бросился в угол, где дрожал от ужаса пленный мальчик, упал на колени, обхватил его мягкими руками.

— Не бойся, малыш... Не бойся... Дядя Рокфор сейчас освободит тебя!..

Вжик, пытая от натуги, притащил откуда-то ножовку. Командир Спасателей благодарно кивнул зелёному муху, схватил инструмент и принялся пилить цепь.

— Сейчас... сейчас...

Дейл, связывая бесчувственного преступника подобранной на улице ниткой, укоризненно проговорил:

— Зачем ты побежал спасать парня один, а? Позвал бы нас! А то мы услышали, как ты носишься вверх-вниз по лестнице — ну чисто стадо динозавров! — пока сообразили, что к чему, пока нашли домовладельца, пока вытянули из него всё... А ведь время дорого! Ты сам едва успел; ещё чуть-чуть — и всё...

— Простите, друзья... Просто я очень спешил...

Наконец цепь была перепилена. Рокки подхватил мальчика на руки.

— Давайте, братцы, уходить отсюда! Нечего бедняжке здесь делать...

И прошептал во всё ещё вздрагивающее острое ушко:

— Не бойся, маленький! Не бойся!..

* * *

— Да будь проклята эта труба! — причитал, всплёскивая руками, мистер Дармстадт. — Опять её прорвало! Ну что ты будешь делать!..

Дейл решительно подошёл к нему. Вырвал из рук тубик клея, кусок пластика, отодвинул обалдевшего домовладельца в сторону и побежал вниз по лестнице, в подвал. Секунду спустя оттуда донеслось громкое "плюх".

Чип с довольным видом поправил шляпу.

— Что ж, — подытожил он, — ещё одно дело раскрыто. Жертва спасена, преступник пойман и передан в руки правосудия.

— А семья Клэйтонов пожелала усыновить мальчонку, — добавил Рокфор. — Марта уже пошла в мэрию выправлять нужные бумаги. Теперь наш бедный малыш никогда не будет одинок.

Стояло жаркое летнее утро. Ласковое тепло струилось по старому дому; Дубина Бонд, стоя в дверях с двумя внушительными банками варенья, жмурился, будто сытый кот, и даже вечно хмурый Шоулз, как раз уходящий на работу, улыбался.

— Слава богу, что всё обошлось, — сказал он Спасателям.

И, увидев, что Чип и Гайка стоят рядом, истолковал это по-своему.

— Береги её, парень! — строго наказал он командиру. — Смотри, не упусти любовь на этот раз! — и, погрузнев, добавил, глядя в сторону: — У меня тоже когда-то была избранница... давным-давно... Из-за неё-то я и сел...

Послышалось плюханье, потом кто-то зашлёпал мокрыми ногами по ступеням. Это был Дейл; с него ручьями текла вода.

— Всё, заклеил насмерть, — с довольным видом доложил он Дармстадту. — Больше не прорвёт.

— Ох, спасибо вам большое, мистер! — засуетился тот. — Подождите, куда же вы! Вам надо немедленно переодеться в сухое, иначе простудитесь.

Красноносый только отмахнулся:

— Да ну нафиг! Такая теплынь на улице... А я здоров, как бык!

— И почти так же умён, — ядовито заметил Чип.

После чего обернулся к домовладельцу и крепко пожал его сухую руку.

— До свидания! Были рады помочь вам!

* * *

В Лос-Анджелес храбрые Спасатели прибыли уже в сумерках. Вёдшая самолёт Гаечка украдкой позёвывала, прикрываясь ручкой. Рокки мерно сопел, уронив на грудь большую кудлатую голову; шлем свалился мышу на колени, и Чипу пришлось положить его в бардачок, чтобы он при очередном вираже не вывалился за борт. Вжик спрятался во внутреннем кармане плаща своего большого друга и теперь, похоже, тоже спал. А Дейл уже давно безмятежно храпел, разинув рот.

Командир протёр слипающиеся глаза. Взглянул на встроенные в приборную панель часы.

— Как поздно... — пробормотал он. — До завтра мы не успеем выспаться.

— После всех этих событий, полагаю, мы заслужили выходной, Чип, — заметила мышка, высматривая парк. — Мы так давно не отдыхали...

— И то верно...

Пискнул зуммер рации. Бурундук надел на голову наушники, вынул из особого гнезда микрофон.

— Это из городского штаба Патруля, — сообщил он Гайке. — Что-то случилось...

— Наверно, особо сложное дело, с которым они не справятся сами, — прелестная пилотесса убавила мощность двигателей, и самолёт пошёл на посадку.

В наушниках хрипел встревоженный голос. Слушая его, Чип всё больше и больше хмурился.

— Пропал ребёнок, — доложил он наконец, дав отбой. — Мэттью Дэниел Трэвис, восьми лет, крыс. Сегодня утром отправился в школу, но так и не появился в ней. Насколько удалось выяснить патрульным, врагов у семейства Трэвисов нет, однако какой-то подозрительный тип был замечен возле из дома позавчера и вчера. Предположительно, это дело рук серийного преступника.

— Подождём до утра? — быстро спросила Гайка.

Чип сорвал шляпу, пригладил волосы.

— Нет, время дорого. Отправляемся прямо сейчас! Слушай адрес...

..."Крыло" Спасателей стремительно летело в сгущающейся тьме. Мышка, закусив губу, крепко сжимала штурвал; её взгляд был устремлён вперёд. Чип, сидевший рядом, был погружён в раздумье.

"Нужно срочно опросить свидетелей. Потом составить список подозреваемых и вычленив тех, кто подходит под психологический портрет серийного убийцы... Бедная Гаечка — она совсем устала, пусть отдохнёт... Ещё нужно проследить весь путь, по которому следовала жертва, и наметить места, в которых преступник мог бы похитить её. И обязательно координировать наши действия, чтобы каждый сообщал, что он делает и куда направляется, остальным — это очень поможет в расследовании. И ещё нужно..."

Сонная ворона, попавшаяся им на пути, шарахнулась в сторону, прокаркала вслед что-то уничтожительное. Но старый самолётик не изменил курса.

"Держись, Мэттью Дэниел Трэвис! Держись, малыш!"

Ты попал в страшную беду. Ты похищен жестоким злодеем, и заперт неизвестно где, и сейчас, каменея от леденящего ужаса, ждёшь прихода смерти. Но мы спасём тебя! Обязательно спасём! Ведь, где бы ты ни был, что бы с тобой не случилось — всегда, даже в мрачайшее из мгновений своей короткой жизни, помни...

"...Ты не одинок!"

Июнь 2017 года.